

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 45
(2099)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья З. Прилепина «Азовсталь российской культуры», опубликованная на сайте газеты «Завтра», 29 апреля 2022 года.
Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/azovstal_rossijskoj_kul_turi

Вологда
май 2022

Азовсталь российской культуры

Государство, которое умеет только запрещать, – оно неконкурентно, его переиграют на раз

С украинской стороны пытались бить по Белгороду, Брянску, Воронежу, Курску. Бьют по Приднестровью, которое, конечно же, тоже Россия. Будут пытаться и дальше бить, провоцировать, взрывать, запугивать. Список атакуемых территорий будет, увы, расширяться. Многие пишут, что нужна иная форма реакции на происходящее. Надо усилить группировку и её снабжение там. Надо пересобраться здесь, в России. Культура, агитация, пропаганда всё это должно ожить, очнуться, явить свой новый облик. Мы же очутились посреди лающих злобой европейских соседей и неумолимой лжи мировых медиа. Нельзя всей страной так и ехать на Соловьёве, Скабеевой и Симоньян.

В России тем временем, признаться, всё идёт так, как идёт. Или, скорей, лежит, как лежит. Радийная повестка прежняя. Журналы не пестрят портретами героев спецоперации. Литература, оставшаяся здесь, почти полностью, почти поголовно пребывает в стороне от происходящего. Лишь с той стороны пишут запугивающие письма Акунин и компания, обещая нам поражения и ад. Директора театров, выступившие против спецоперации, остались на своих местах. Исполнитель Сергей Лазарев, который требовал немедленно прекратить войну, передумал и поехал на гастроль – в рамках тура «За Россию». Иван Ургант грустно ходит по «Останкину» и ждёт удобной минуты, чтоб в той или иной форме воплотиться сначала на боковой, запасной скамеечке, а потом – и на прежних ролях. Ему говорят: «Ох, Ваня, напортачил ты... Ну ничего, надо переждать неделю-другую». Миротлюбивые «Би-2» и Валерий Меладзе уже дают концерты на корпоративах и вот-вот покатаются с новыми гастролями с запада на восток, обратно и поперёк.

Дело вовсе не в этих более или менее симпатичных людях. Пусть они будут. Дело совсем в другом.

Это лишь разгорячённые комментаторы в патриотических пабликах уверены, что «вся нечисть поразъехалась – туда им и дорога, теперь всё будет иначе». На самом деле никто никуда не поразъехался, и нечего попусту сотрясать воздух. Все здесь, ребята. Все, кому надо, здесь. На секунду остановитесь и поймите, как устроена эта система. Вот есть, скажем, мир театра. Мир театра – это не Юлия Ауг, которой какой-то там спектакль на днях запретили. Нет, это гигантская машина – с колоссальными бюджетами и невероятной внутренней спайкой, многоуровневыми связями и устоявшейся элитой. Ауг во всей этой истории никакого значения как не имела, так и не имеет. Даже вдвоём с Чулпан Хаматовой – значение их минимально. Это просто две актрисы.

Да, сегодня на несколько самых протестных театров надавили сверху по финансовой и административной линии: закройте свои пацифистские рты и не отвешивайте. В ответ они, кривясь, вывесили на фасады букву Z и провели акцию-другую для донбасских беженцев: вот, мол, подавитесь, достаточно тебе, сатрапия?

Но это всё внешнее, мимолётное – завтра они эту букву снимут, акции закончат и примут привычную форму, в которой жили всегда. С Ауг ли и с Чулпан или без них – это всё вторично. Театр, скажут мне в ответ, посещает один процент населения. Конечно, один, или, может быть, три. Но, во-первых, это важные и определяющие эстетику культурной жизни всей страны проценты. А во-вторых, кадры для кинематографа тоже по большей части готовит театр. И кино смотрит уже не один процент – а вся взрослая страна.

Вся эта миротворческая кинематографическая поросль – она ж не сама по себе родилась, нет. Она вышла из многочисленных театральных студий, где её должным образом воспитали. В этих студиях на прежних стульях за прежними столами сидят прежние мастера, пережившие уже не одну эпоху. Они переживут и эту. У них шерсть как у зубра и панцирь как у ящера.

Есть ли у нас сегодня в мире визуальных искусств конкретные Роднянский и Долин или временно съехали – вопрос почти комический. Там и без них все шестерёнки крутятся в заданном направлении.

Знаете, какой вопрос сейчас задают во всех культурных институциях?

«Да, проблемы есть. Да, культурная элита настроена против армии и власти. Но нам не на кого менять управленцев культуры.» Нет никакой скамейки запасных. Не на кого менять всех этих бесчис-

ленных режиссёров, продюсеров, сценаристов и сценаристок, актёров и актрисок, выпестованных по общим лекалам – и дружно сменивших 24 февраля аватарки.

Это в соцсетях мы можем гордо перечислять, что у нас есть Бурляев, Охлобыстин, Пускепалис, а также Стеклов, Чернов и Шагин. Но в институциях сидят профессионалы и отлично знают: эти пять, или 15, или пусть даже 25 человек не заменят никого. Перед нами просто отдельные люди, рискнувшие пойти тайным трендам поперёк.

Мало того что никакой кадровой системы для перезагрузки нет – никто не озабочен созданием новых кадровых школ; у нас и не понимают, как их создавать. В каждом нашем крупном ведомстве, если вы вдруг не знали, сидит смотрящий, который представляет одну известную организацию. Сегодня смотрящий может запретить спектакль Ауг или концерт Макаревича. Но смотрящий не может родить и воспитать другую Ауг и другого Макаревича! Государство, которое умеет только запрещать, – оно неконкурентно, его переиграют на раз.

Институции, рискуя остаться вовсе без кадров, осознают: им проще подморозить ситуацию, а потом, когда случится долгожданное перемирие, включить прежний режим.

Ну останутся Хаматова или Литвинова за границей – делов-то. Пусть даже с Дапкунайте они останутся там. Не ими одними живо российское кино со всеми его устремлениями и чаяниями.

Или, скажем, такая вещь, как шоу-бизнес. Знающие люди знают, что одной из центральных фигур внутри этой спрутообразной системы является Игорь Крутой. Он главный государственный композитор, который невероятной силой своего композиторского дара выигрывает тендеры на самые масштабные государственные мероприятия. Везде и всюду звучат его столь любимые народом мелодии. Вы, кстати, помните хоть одну? А то мы – нет.

Более того, я не помню, где сейчас Игорь Крутой. Как у него дела, настроение, взгляды на жизнь? На спецоперацию, наконец? Сыграл ли он свою новую сюиту для беженцев в Белгороде? Или не успел пока её дописать? Говорили, что он в Майами. Но может, уже в Москве. В сущности, без разницы. Имеет значение лишь то, что он как был, так и останется на месте. На том самом центральном месте посреди нашего бесконечного «Голубого огонька». И в каждом втором кремлёвском кабинете у него сидит по товарищу, а в остальных – по приятелю. И не слишком себя утруждая, они все воспроизведут себя на следующем после войны этапе на телевизионных экранах всей страны. Ну, может, без Галкина на этот раз. Но дело и не в Галкине тоже.

Дело в том, что они воспроизведут себя на экранах в прежнем качестве, которое в числе прочего исключает появление таких песен, как «Катюша» или «Бьётся в тесной печурке огонь». В Майами они не пишутся. Ради таких песен надо хотя бы в ростовский госпиталь захватить.

Мне много раз теми или иными словами написали за эти два месяца: *«Захар, зачем вы о них пишете? Это не российская интеллигенция – это накипь: она ушла, и больше её нет».* Это мы для них – накипь. Это нас для них – нет. А они – есть.

Захар Прилепин